

Посткоммунизм и национальный вопрос в России и СССР. Витторио Страда filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Посткоммунизм и национальный вопрос в России и СССР. Витторио Страда
По материалам Римской встречи [в октябре 1990 г.]
Здесь, в Риме, собрались русские и нерусские, советские и несоветские, чтобы поставить вопросы по национальной проблеме, как она в настоящее время стоит в России и СССР, и попытаться найти на них ответы. Поэтому не будет странным, если я начну с самых элементарных и при этом самых трудных вопросов: что значит сегодня быть русскими? что значит сегодня быть советскими?

Претендовать на бесспорные и окончательные ответы в этом вопросе нельзя – это были бы лишь самые банальные ответы. К тому же можно сомневаться в возможности обоснованного и конкретного ответа на эти вопросы, поскольку в характеристику национального или государственного всегда привносится оценочный момент, порой чересчур идеализирующий, порой чересчур критичный. Словом, создается некий стереотип, вдобавок изменчивый, в зависимости от того, воспринимается ли нация глазами того, кто к ней принадлежит, или же глазами принадлежащего к другой национальности, как в моем случае. Думаю все же, что эти сомнения можно преодолеть и поставить наши два вопроса, учитывая высказанные выше соображения в качестве элементов для самоконтроля.

Быть русским сегодня, как и в прошлом, – значит, в первую очередь, принадлежать к определенной языковой общности, которая, однако, сама по себе недостаточный признак для определения национальности. Например, английский, немецкий, испанский языки – родные для народов, не составляющих Англию, Германию, Испанию. Иначе обстоит дело в случае русского языка, который является родным только для русских, но на нем говорят и другие народы, обладающие собственным языком и входящие в состав государственного образования, в прошлом носившего название Российской империи, а ныне именуемого Союзом Советских Социалистических Республик. Русский язык является официальным языком многонационального государственного образования.

Если языковая общность – условие необходимое, но не достаточное для определения русских, то же самое относится и к русской географической общности. Известно, что география наций – и европейских, и неевропейских – носит исторический характер и что размеры наций, в Западной Европе по большей части уже установившиеся, меняются в зависимости от политических перипетий и войн в особенности. Но имеются случаи исключительно подвижной географии наций, и Россия как раз один из них. Дело не только в имперском и многонациональном характере России и СССР. Это отнюдь не уникальная ситуация: еще несколько десятилетий назад имперская структура была общей чертой многих европейских стран. Однако в случае России дела обстоят иначе, поскольку входящие в ее состав нации, независимо от того, Российская ли это империя или Советский Союз, – находятся в соседстве с нею, а не отделены морями или океанами, как это было с колониальными державами в прошлом. Сравнение с Австро-Венгерской империей верно лишь до определенной степени, так как Россия была и продолжает быть центром многонациональной системы, являющейся не только европейской, но и евроазиатской. Собственно Россия, после завоевания Сибири, – страна биконтинентальная, в силу чего знаменитая формула "Европа от Атлантики до Урала" перерезает Россию надвое, исключая Россию, находящуюся за Уралом.

Если для определения того, что такое русские, кроме языка, недостаточно и географии, то, может быть, на помощь нам придет культура, и тогда можно будет выявить собственно русскую духовную общность. В поисках ответа на поставленный нами вопрос в первую очередь должна помочь религия, ввиду специфичности христианства в России: в том образе самой себя, созданным Россией, религиозный момент, вместе с культурой в ее целостности, является центральным. Но и здесь все гораздо сложнее, чем представляется: ведь если справедливо, что национальная культура не что-то однозначное и однородное, а внутренне динамически-противоречива и даже подвержена внутренним разрывам, не менее значащим, чем ее единство, то в случае русской культуры дело обстоит еще сложнее, так как в ней сосуществуют по крайней мере два слоя: древний, средневековый, автохтонный и современный, послепетровский, "западный". Конечно, здесь упрощается специфическая черта русской культуры, которую, однако, в XIX столетии и в начале XX-го сами ее носители и создатели переживали именно в этой присущей ей дихотомии. Что же касается религии как специфического историко-социального института, то в России она,

Посткоммунизм и национальный вопрос в России и СССР. Витторио Страда filosoff.org в отличие от других христианских конфессий, в особенности католической, не имела автономии и большей частью для нее была характерна подчиненность самому мощному из всех институтов в русской истории – государству.

Государство – условие возникновения и окончательного складывания европейских наций – в России имело еще больший и решающий вес, хотя до 1917 года оно не перечеркнуло развития гражданского общества, как уверяют некоторые историки, особенно на Западе, а только ограничило и задержало это развитие. Именно таким ограничением и задержкой в развитии гражданского общества в России, помимо многочисленных прочих условий, и объясняется революция, начатая государственным переворотом в октябре 1917 года, которая действительно привела к разрушению гражданского общества в этой стране и к беспрецедентному в истории тоталитарному утверждению государства. Это уже не российское, а советское государство.

Эти наши размышления можно было бы заключить так: быть русским – значит, главным образом, принадлежать в качестве подданного или гражданина к российскому государству, а – аналогично – быть советским, принадлежать к советскому государству, поскольку русский язык – язык государственный, а русская культура если и не является государственной (каковой она была в советский период), – все-таки с государством связана больше, чем культура других европейских стран. Думаю, однако, что такой вывод был бы неверным, особенно сейчас, когда Россия и СССР вступили в труднейшую фазу своего развития: начался процесс распада, так как рушится искусственное, анахроническое единство, но в перспективе открываются возможности для нового объединения на иных принципах, более отвечающих национальным реальностям как самой России, так и других народов, которые сейчас именуются советскими. Национальный вопрос, который советская государственная марксистско-ленинская идеология выдавала за решенный, вновь встает во всей своей серьезности и драматичности в самой России. Отсюда необходимость нашего первого вопроса: "Что значит быть русским сегодня?" Но, столкнувшись с некоторыми трудностями в поисках ответа на этот вопрос и оставив пока попытки преодолеть их, рассмотрим второй наш вопрос; "Что значит быть советским сегодня?"

Если быть русским, как мы это частью увидели, проблематично, то быть советским сегодня – чистейший абсурд, если только не свести все к вопросу гражданства. Быть советским сегодня – значит быть членом общности или союза, которые больше таковыми не являются и не имеют оснований для того, чтобы существовать, по крайней мере, в известной до сих пор форме. Ведь что представлял собою СССР в период своего внутреннего и международного могущества? Поверхностно рассуждая западные историки видели и продолжают видеть в СССР не что иное, как продолжение Российской империи, а в советской политической системе – продолжение политической системы царизма. Этот тезис иногда принимает крайние, доходящие до самоутрировки формы, но в наиболее умеренных разновидностях он общепринят и в самом западном общественном мнении, для которого "русские" и "советские" – синонимы. Однако СССР, более или менее совпадая территориально с бывшей Российской империей, исторически возник как антитеза последней с целью ее разрушения. Российская империя при всем ее своеобразии, о котором упоминалось выше, принадлежала к семье великих европейских империй, отличаясь от них главным образом авторитарным характером центральной власти, осуществлявшейся в деспотических формах и в самой метрополии Империи, где вплоть до начала 60-х годов прошлого века существовало крепостное право – основа всеобщего политического рабства.

То, что теперь называется "советской империей", первоначально представляло собой не преобразование царской империи в целях ее сохранения, а являлось форпостом и плацдармом мировой революции, которая после завоевания власти в российской столице должна была распространяться за пределы России, следуя собственной программе. Все расчеты этой революционной авантюры на проверку оказались ошибочными, но это не означает, что советская власть была "русской": она была именно советской и коммунистической властью, причем она состояла также и из русских, для которых, однако, их родина служила лишь базой метанациональной политики. Дух завоевания и аннексии, с самого начала продемонстрированный новой властью, был оборотной стороной готовности идти на попятную, проявившейся в "похабном" Брест-Литовском мире: уступки и приобретения, компромиссы и упорство, защита и агрессия – все это было не что иное, как моменты стратегии и тактики, целью которых была мировая революция, и перед лицом этой задачи все было ничем иным, как средством. Существенно положение не изменилось и во второй фазе революции – сталинской

Посткоммунизм и национальный вопрос в России и СССР. Витторио Страда filosoff.org (или фазе "социализма в одной стране"), которая, несомненно, частично отличалась от первой, но по-прежнему направлялась революционной идеологией, для которой Россия, более того, главным образом Россия, была простым материалом для проведения советской и коммунистической политики. Так называемый "советский патриотизм" был искусственным гибридным образованием, и его нельзя отождествлять с русским патриотизмом, хотя с некоторого момента он включал в себя, наряду с другими ингредиентами, и элементы русской культуры, предварительно подвергнутые отбору и фальсификации. Дело в том, что родилась новая форма национализма, парадоксальная по сравнению с традиционным, которую я бы назвал "идеологическим национализмом". Этот национализм, когда дело касалось Советского Союза, был также и интернационалистическим, подчиняя все интересам СССР как мирового центра становившейся все более мифической революции.

Если это так, то по-прежнему остается открытой проблема природы революции, впервые угнездившейся в России и превратившей Россию и всю бывшую царскую империю в собственное орудие борьбы и материал для своих экспериментов. То, что так называемая "октябрьская революция" была государственным переворотом, который подготовило по-военному организованное незначительное меньшинство, известно. Но остается фактом, что в этот период Россия была чревата разрушительным насилием, и этим поворотом было положено начало непрерывной революции сверху, которая оказалась способной вовлечь широкие слои населения, создав на основе идеологии и террора своего рода "тоталитарный консенсус". Думать, как некоторые русские неонационалисты, что все это дело рук преступников-революционеров нерусского происхождения (главным образом евреев, о чем вопят новые антисемиты), дьявольски ловко уловивших удобный исторический момент, – значит обрекать себя на непонимание семидесяти лет истории и значит также сводить русский народ до пассивного ничтожества, которым может воспользоваться всякий. Объяснение тоталитарного феномена, благоприятной почвой для зарождения и созревания которого оказались Россия и Германия, можно найти только в русской, а также в европейской истории. В России новый коммунистический режим, основавший свою власть на двух исторических преступлениях: разгоне Учредительного собрания и убийстве царской семьи, – положил начало новой трагической фазе в истории России. С провалом коммунистического эксперимента, после ужасающих десятилетий, Россия начинает выходить сейчас из этой фазы, а вместе с нею пытаются выйти и другие народы, ввергнутые в ад коммунизма. Поэтому быть советским сегодня, исключая формальный аспект, уже лишено смысла. Но при этом и быть русским сегодня еще не обрело смысла, если Россию понимать не только как языковое, географическое и историческое явление.

Вопрос в том, чтобы вернуть бытию русских живую и действенную значимость, возобновив определенные традиции, после слишком затянувшегося и слишком трагического их перерыва. СССР, рожденный интернациональной революцией как многонациональное государство, превратился в империю, клонящуюся к закату, с тех пор как эта революция сама вынуждена была признаться в собственном колоссальном крахе. В русской истории открылся грандиозный провал, измеряемый семьдесятю годами анационального хронологического развития, своей ответственности за который русский народ не может, однако, отрицать. Следовательно, быть русским сегодня – вовсе не значит осуществить своего рода музейную реставрацию, к тому же тенденциозную, собственного далекого прошлого с перенесением вины за собственное недавнее прошлое на других. Быть русским сегодня – значит стать русским заново, конечно же, путем критического возрождения своего прошлого, а главным образом, путем создания новой России. Быть русским – значит одновременно и вернуться к собственным корням и наметить перспективу, преодолев сегодняшнее историческое зияние. Возможно ли это?

Чтобы это стало возможным, требуются многие условия. Речь идет о том, что интеллектуально-этически надо отказаться от внешне наиболее легкого, на самом же деле губительного решения – обожествления мифической, непостижимой и мистифицированной "русской идеи", так как в действительности этим культивируются плоские и ложные стереотипы русскости. Не "русская идея" как фантастическая миссия спасения мира, но русские идеи, рожденные русской культурой во всей ее многогранности и противоречивости в горизонте европейской культуры. Следовательно, никаких претензий на исключительность и никакого нешовинистического изоляционизма, а открытость миру, так не похожему на тот, что был в прошлом. И дело не просто в культуре: культура всегда воплощается в социально-конкретных формах, хотя всегда сохраняет творческую автономию относительно всех форм своего претворения. А без этого

Посткоммунизм и национальный вопрос в России и СССР. Витторио Страда filosoff.org
она бесплодна. Сегодня и для России и для других народов, называемых советскими, экономические, социальные и политические проблемы настолько безотлагательны и ужасающи, что требуют исключительного напряжения сил, для того чтобы поистине спасти нацию. Распад бывшей "советской империи" – необходимое условие для создания фундамента, на котором возникнут новые многонациональные объединения, с учетом различных интересов и идей, на основе реального консенсуса.

Быть русским сегодня – значит прежде всего осознать трагизм новой ситуации, подобно тому, как это сделано Александром Солженицыным в его последнем выступлении, где, между прочим, в отказе от любых пережитков имперского сознания (или лжесознания) он видит принципиальное условие русского национального возрождения. Он справедливо считает, что для этого требуется не только сокращение государственных масштабов, но и подлинная децентрализация, чтобы развязать инициативу как низов, так и периферии, десятилетиями остававшихся поработанными центром.

Быть русским сегодня – значит выявить и построить политические институты, отвечающие задачам национального возрождения: после авторитаризма самодержавия и коммунистического тоталитаризма, при котором этот авторитаризм стал даже казаться почти демократическим правлением, такими институтами должны быть институты подлинной демократии, либеральной в предпосылках и социальной по своей сущности.

Быть русским сегодня – значит открыть мир, не дореволюционный и не революционный, но мир, негативно унифицированный опасностью, сегодня немного уменьшившейся, ядерной войны и опасностью, сегодня возросшей, экологической катастрофы, а кроме того, чудовищной неравномерностью демографической и экономической ситуаций. Старые русские, как и многие европейские идеологии, оказываются абсолютно неадекватными сегодняшнему и завтрашнему миру.

В ходе тысячелетия Россия прошла три основные фазы исторического развития: средневековую, послепетровскую и послеоктябрьскую. Эта последняя фаза была самой катастрофичной с русской национальной точки зрения, и сейчас, когда она завершилась, Россия вновь ищет контактов со своими двумя первыми историческими фазами, но такая связь не может означать реставрацию прошлого, на что претендует определенного толка русский шовинизм, а должна быть творческой и критической: ведь игнорировать семьдесят лет истории нельзя, как нельзя игнорировать и новую мировую реальность. Старая русская идеология, к которой многие обращались в недавнем прошлом, а сегодня взирают на нее со скорее глупой, чем зловещей, ностальгией, – имперская идеология Москвы – третьего Рима, которую великий русский мыслитель Владимир Соловьев подвергал, наряду с любым узким национализмом, решительной и глубокой критике. Сейчас, на закате советской империи, надо не извлекать на свет археологию Москвы – Третьего Рима, а думать о проекте Четвертой России, возможной новой России, свободной и современной, секулярной и христианской, демократической и проникнутой духом солидарности, России, возвратившейся в лоно европейской семьи, России, вырастающей из трех предыдущих, о которой я говорил выше. Но путь к новой России страшно тернист и может быть прерван. И все-таки только на этом пути бытие может обрести для русских новую значимость, после того, как бытие для советских утратило всякий смысл.

Воображению предстают два гипотетических будущих. В одном – Россия сама по себе (или в союзе на добровольной основе с Украиной и Белоруссией), отбросившая тяжкое бремя имперского величия, но связанная с другими народами нынешнего СССР отношениями свободного экономического и культурного сотрудничества и входящая в сообщество европейских государств. Или же Россия как часть Соединенных Штатов Евразии, основанных на свободном союзе нынешних советских народов, дополнительных будущим Соединенным Штатам Европы. В обоих случаях Россия перешла бы к новой фазе своего тождества и подверглась бы глубокому внутреннему преобразению, вступив в четвертую фазу своей истории.

Но одно должно быть ясно: для того, чтобы переход России и других народов нынешнего Советского Союза к новой исторической фазе действительно осуществился во всех сферах: национальной, политической, социальной, культурной, – необходимо, чтобы он принял недвусмысленно посткоммунистический характер. И поэтому необходимо, чтобы в России и СССР был четко и конкретно поставлен вопрос об ответственности коммунистической партии и ее идеологии за все материальные и духовные катастрофы послеоктябрьского периода. Необходимо поэтому положить конец гротескной фикции превратить "сталинизм" и Сталина в единственно ответственных за то, в чем исторически надо обвинять марксизм-ленинизм и Ленина, то есть коммунизм. Необходимо реабилитировать понятие и имя демократического либерально-реформистского социализма, коренным образом отличающегося от

Посткоммунизм и национальный вопрос в России и СССР. Витторио Страда filosoff.org
революционного и тоталитарного коммунизма. Следует не терять времени и не
создавать путаницу в головах поисками мифического "третьего пути" между
коммунизмом и капитализмом, авторитаризмом и демократией, марксизмом и
свободным мышлением. Только в перспективе интеллектуальной, моральной,
политической ясности Россия и СССР могут пойти дальше перестройки и вновь
стать свободной частью Европы – демократической, социалистической,
христианской.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!